

КИНО: ПРОБЛЕМЫ, НОВОСТИ

Евгений ЛЕБЕДЕВ,
народный артист СССР

А ВЫ ЗА КАКОЙ КИНЕМАТОГРАФ?

— КАК вы считаете, за каким кинематографом будущее — за актерским или режиссерским? Каково ваше мнение о состоянии актерской проблемы на сегодня?

С этими вопросами мы обратились к Евгению Лебедеву, актеру Ленинградского академического Большого драматического театра им. М. Горького, много и плодотворно работающему в кино.

— По моему глубокому убеждению, то, что мы называем актерской проблемой, теснейшим образом связано с проблемой взаимоотношений режиссера и актера.

Мы часто и привычно говорим: нет новых актерских имен. Они появляются и исчезают. Исчезают задолго до того, как успеет сформироваться актерская личность, индивидуальность. Почему так происходит?

Здесь явное, на мой взгляд, определенное снижение критериев требовательности.

Актеры стали меньше требовать с себя — да, прежде всего с самого себя. А это самое опасное.

Это в сильной степени распространено на искусство вообще и на кино особенно. Да, особенно на кино, потому что здесь подчас очень трудно отделить, что есть актер, а что есть все остальное. А это чревато опасными последствиями для начинающего художника.

Нет хороших ролей. И хотя мы привычно повторяем, что нет, мол, плохих ролей, есть плохие актеры, это не так. Есть плохие роли, никакие роли. Очень много никаких ролей. Отсюда так много никаких актеров.

Актеры разучиваются работать самостоятельно. Актеры сегодня в значительной степени заслонены режиссерами, причем слабыми режиссерами. Фактически сегодня режиссеры играют за актеров. Право же, я часто не понимаю, зачем вообще режиссер приглашает того или иного актера и сам же фактически играет за него. Тогда не надо вообще актера. Ведь то, что органично данному режиссеру, те «приспособления», которые он навязывает актеру, этому-то актеру как раз неорганичны, ему нужны совсем другие «приспособления».

Нужен режиссер как носитель идеи, носитель замысла, а не как некая дублирующая, подменяющая актера инстанция. В кино, как ни в каком другом искусстве, необходимо единое режиссерское начало, цементирующее и вдохновляющее коллектив, работающий над фильмом. Мне в этом смысле повезло в творчестве — правда, здесь я должен вернуться к театру. Я говорю о Георгии Александровиче Товстоногове. Это именно тот режиссер, которому потребен актер — не послушный исполнитель, но как бы сорежиссер, соавтор его замысла. Актерский рисунок роли формирует-

ся и выкристаллизовывается в едином процессе с режиссерским замыслом спектакля как часть единого целого.

Режиссер должен не подменять, а направлять актера. Вот когда в нашем театре возникла идея поставить горьковских «Мещан», скажу по правде, далеко не у всех нашла она поддержку. «Мещане!» Что, казалось бы, здесь можно сотворить нового? И тем не менее волей режиссера, который нашел в актерах театра не пассивных исполнителей, но активных соучастников в претворении своего замысла, родился спектакль, который идет вот уже три года и всегда с аншлагом. Родился спектакль, в котором есть тема. Не это ли, собственно говоря, определяет лицо режиссера — тема?

За свою жизнь мне пришлось сыграть в кино в очень многих фильмах. Я сыграл немало главных ролей. У многих крупных режиссеров. А запомнились мне роли в тех фильмах, у тех режиссеров, которые «обладают темой». В фильме Г. Панфилова «В огне брода нет» я сыграл не очень большую роль, но работа с этим режиссером доставила мне полное творческое удовлетворение.

Я работал с В. Дербеневым на картине «Последний месяц осени». Он как никто умеет создавать на экране настроение, атмосферу — это редкое качество, редкий талант. Совсем по-другому, очень своеобразно работает В. Шукшин.

Интересной была моя встреча и с режиссером А. Салтыковым на экранизации «Разлома».

Все эти перечисленные мной имена принадлежат как будто к плеяде представителей так называемого «режиссерского кинематографа». Казалось бы, здесь у меня, актера, должен возникнуть к ним своего рода антагонизм: а не подавляют ли они меня, а не приносят ли в жертву мою творческую индивидуальность своему режиссерскому «я»?

Такой вопрос, вероятно, вполне естествен и логичен. И тем не менее...

Нет, не подавляют. Нет, не приносят в жертву. Более того, мне интересно работать именно с ними, потому что у них есть во всем своя тема, замысел, мысль, ради которой они творят. Есть позиция. Позиция, которую каждый из них так или иначе утверждает своим фильмом. А не просто «накручивает» очередную картину. Мне интересно каждый раз попытаться понять эту позицию — понять и разделить. А не просто сыграть очередную роль.

Конечно, эти режиссеры в поиске. У них могут быть срывы, ошибки. Но когда же и ошибаться, как не в молодости! Молодость имеет право на ошибки, без них обычно нет в искусстве обретений и открытий. Здесь важно, на мой взгляд, различать понятия «современность» и «мода», полярно противоположные.

Теперь, что касается актера на экране. А также того, что, как многие отмечают, некоторые наши крупные киноактеры сошли с экрана.

Мне недавно пришлось посмотреть один фильм про войну. Там в главной роли снялся один наш большой актер, которого все мы уважаем и любим по множеству прекрасных фильмов. Но, боже мой, на него же совсем невозможно смотреть — каждый кадр, каждый план кричит. И в каждый отдельный момент я знаю, что этот актер сделает дальше, как он повернется, уйдет, как он возмутится или обрадуется.

Это что — «актерский кинематограф»? Нет, это просто плохой кинематограф.

Я часто размышляю над тем, что такое в искусстве мещанство. И прихожу к выводу, что это вот и есть привычка к чему-то усредненному, адаптированному, навсегда затвержденному. Мещанство в искусстве — это застой. Привычка играть и снимать «для себя». Это своего рода актерский художнический эгоизм. Вот так, наверное, и возникает антипатия к режиссерскому кинематографу — не дают играть «для себя».

Между тем искусство — это всегда «не для себя», но для кого-то, для чего-то.

Конечно, легче всего актеру привести на экран себя — любимого, популярного. Тогда вроде бы и режиссер ни к чему. Но режиссер в кино на то и существует, чтобы, зная досконально суть того или иного актера, суметь раскрыть в нем порой ему самому неведомые грани — открыть их в процессе рождения собственного режиссерского замысла.

Нет, нельзя быть в искусстве себялюбцем. Нельзя быть в искусстве мещанином. Это конец всякого творчества. И если я сегодня высказываюсь за поиски нашей молодой режиссуры в кино, то только потому, что мне истинно дорого творчество актера. Сегодня оно неотделимо от режиссерских исканий.

Так по крайней мере я считаю. Такова моя точка зрения. Впрочем, я ее никому не навязываю.